

Если же они не платят, то штрафуются в двойном размере». Таким образом, в первом, древнейшем варианте текста 19 статьи З. з. предусмотрена возможность сохранения права на землю бежавшим земледельцем, если он исправно уплачивает подати. Следовательно, если интересы казны не страдают, законодатель берет такого крестьянина под защиту и даже карает тех, кто воспользовался его участком. В Арм., I, 14 дело обстоит иначе. Цель этой статьи состоит отнюдь не в том, чтобы защитить права на землю бежавшего крестьянина. Возможность уплаты им налогов за время отсутствия вообще не принимается во внимание. Как справедливо указывал в свое время Б. А. Панченко, «позднейшие переписчики или редакторы не представляли себе возможности, чтобы убежавший крестьянин сохранял за собой права собственности»¹⁸. Закон считает вполне нормальным использование земли соседями и переход к ним владения. Если последние не будут исправно платить налоги, они караются в двойном размере.

Нетрудно увидеть, что эта версия статьи вступает в решительное противоречие с отмеченной нами выше общей тенденцией Арменоцуловской версии к более строгой защите права собственности на землю отдельных лиц, чем то было в древнейшей версии.

Это противоречие, думается, легко находит себе объяснение в том, что новая редакция имеет в виду, в отличие от древнейшей, регламентацию правоотношений уже не свободных крестьян, а таких, которые в своем большинстве были прикреплены к земле. Бегство с земли поэтому расценивается в Арм. как нарушение закона. В том, что это так, нас убеждает дополнительная статья (Арм., I, 17) «О неприеме чужих крестьян». Какого-либо аналогичного постановления мы в древнейшей версии не имеем. Опираясь и здесь на Юстинианово законодательство, закон предписывает: «Пусть никто не принимает чужого крестьянина. Если же примет, то пусть возвратит его в имение, которое тот покинул. И если тот, кто его принял, имеет притязание на крестьянина, пусть дело будет им передано на рассмотрение архонта. Если же он пренебрег этим, пусть заплатит в казну двенадцать литров серебром и двойную сумму собственнику имения. И таким образом припуждается архонтом вернуть крестьянина со всем возмещением за нанесенный ущерб и вред и вместе с пекулием его» (ср. Cod. Just., XI, 48,6, а. 366; XI, 48, 12,2).

Эта важная статья повторена с небольшими изменениями и в Рум., I, 18, а также и в Сп., I, 187. В последнем, однако, в отличие от текста Арм., I, 17 и Рум., I, 18, нет упоминания о штрафе, уплачиваемом в двойном размере собственнику (в Рум. — *voiarinului*) имения. Ни в обеих сербских версиях, ни в славяно-русской сходных статей нет.

Как правило, версии Рум. и Сп. следуют тексту Арм. редакции и отступают от древнейшего текста, внося подчас немаловажные уточнения и изменения. Так, например, в упомянутой ранее статье Рум., I, 15, соответствующей З. з., 19 и Арм., I, 14, неясный термин «экстраординарные налоги» подробно раскрыт в соответствии с принципами налогообложения более позднего времени как налог, уплачиваемый ежегодно «пропорционально доходу, извлеченному из земли». В тексте Арм., I, 14, как и в более древнем, о таком принципе исчисления налога не говорится ни слова¹⁹.

¹⁸ Б. А. Панченко. Указ. соч., стр. 15.

¹⁹ Обращают на себя внимание также существенные изменения, внесенные в ст. З. з. 56 (ср. Арм., VIII, 1; Сп., VIII, 1; Рум., VIII, 76), влияющие на смысл статьи, важной для характеристики сельского хозяйства и его системы. В то время, как в древнейшем тексте, как и в Серб., 58 и Слав.-рус., 54, речь идет о разведении огня в своем лесу или поле (сербская «ледина», славяно-русское «стернище» или «селище»), в перечисленных выше версиях говорится о разведении огня «близ леса» (Арм., VIII, 1), «на своем хоррафии» (Сп., VIII, 1), «в своем фруктовом саду» (*potatul*, Рум., VIII, 76).